

ISSN 1226-4490

*International
Journal of
Central
Asian Studies*

Volume 7 2002

**Editor in Chief
Choi Han-Woo**

Institute of Asian Culture and Development

**«Стерегиущие золото грифы» Геродота и
археологическая культура древних
номадов Казахского Алтая
(по материалам берельских курганов)**

Самашев Зайнолла Самашевич
Института археологии им.А.Х.Маргулана Министерства
образования и науки Республики Казахстан

Жумабекова Гульнара Саиновна
научный сотрудник ИА МОН РК

Базарбаева Галия Аппазовна
научный сотрудник ИА МОН РК

Геродот, прозванный «отцом истории» оставил полулегендарные сведения о племенах, как тесно соприкасавшихся с северо-причерноморскими скифами, так и более отдаленными племенами. Известно, что многие данные были почерпнуты им непосредственно через путешественников-информаторов. Один из них, Аристей, сын Каистробия из Проконнеса, сообщил ему любопытные рассказы о племенах грифов, живущих в стране холода, среди высоких гор, где снежные хлопья похожи на птичьи перья. Они занимаются добычей золота, а соседи – племена аримаспов (одноглазые) постоянно нападают на них с целью похищения этого богатства. Источники сообщают также об исседонах, аргиппеях и других, соседних с грифами, племенах.

Разные исследователи по-разному локализовали вышеназванные геродотовские племена: одни – на Урале,

другие – на Алтае, третьи – еще восточнее, но большинство из них склоняются к алтайской версии.

Любопытно, что легендам Аристея имеются очень интересные типологические параллели в китайских письменных источниках. Например, в книге “Му тянь цзэ чжуань” (“Жизнеописание Му тянь цзэ”), найденной в 280 г. до н.э., упоминается легендарное путешествие царствующей персоны Чжоу Мувана на северо-запад от своего государства. В источнике сказано, что он, перевалив через хребет Куньлунь (это, по утверждению китайских ученых, первоначальное название Алтайских гор, впоследствии перенесенное в другой регион), далее следуя вдоль реки “Хэй Шуй” (“Черная река”), попадает в окрестности загадочного “райского” озера (“Яо Чи”), где открылись поразившие его взор облака перьев и бесчисленные стаи птиц (Сунь Пэйлян, 1985, С. 8.; Ван Чжилай, 1986, С. 54).

Если принять предположение Геродота о том, что образное название скифами снежных хлопьев в странах, где живут их северные соседи – легендарные аримаспы, “стерегущие золото грифы” и др. алтайские племена, – порождено, как он сам признает, слухами о продолжительной зиме и сильных снегопадах, то можно допустить, что рассказы информаторов о реально увиденном в этих странах (в данном случае – парящие в воздухе подобно снежным хлопьям перья, стая птиц вокруг водоемов) могли восприниматься античным авторами, в силу специфики сложившегося стереотипа о северных “варварах” (о землях, нравах, внешнем облике и т.д.) – неадекватно, искаженно.

Другой китайский источник IV-III вв. до н.э. “Шанхайцзинь” рассказывает о северной стране одноглазых – “Иму го” (И-один, Му-глаз, Го-государство), что типологически вполне согласуется с рассказом Аристея об аримаспах.

Античные мифы о лысых аргиппеях перекликаются сведениями в китайской книге “Чжуан цзэ”, охватывающими события IV-II вв. до н.э., происходившие в государстве

“бритоголовых” на северо-западе от Китая - “Цюнфаго” (Цюн - бедный, лысый, скудный; фа - волос; го - государство).

Таким образом, отмеченные греко-китайские мифологические параллели могут оказаться вовсе не случайными, а иметь единую основу происхождения.

Важен еще один момент. Некоторые китайские исследователи, видимо не без основания идентифицируют содержащуюся в книге “Му тянь цзе Чжуань” географическую номенклатуру – “Куньлунь”, “Яо Чи”, “Хэй Шуй”, соответственно, горами Алтай, озером Зайсан и рекой Черный Иртыш (Сунь Пэйлян, 1985, С. 8; Ма Юн, Ван Бинхуа цзюй, 1990, С. 13), хотя на отождествление двух последних названий могут претендовать, с меньшей долей вероятности, озеро Маркаколь и одна из впадающих в него рек.

Названиям “Куньлунь”, как считают, с эпохи Хань стали определять другую горную цепь - южнее Хотана (современный Куньлунь), с богатейшим в мире месторождением нефрита. Это связано с перенесением сюда центра добычи и обработки этого полудрагоценного минерала и установлением на него монополии императорского двора.

С нефритом (китайское название Юй ши) связаны посредническая торговля скифов (Ма Юн, Ван Бинхуа, 1990, С.14), название Куньлуна и, главное – этноним “юэ чжи”.

С.И.Руденко считал этноним “юэчжи” собирательным китайским именем алтайских кочевых племен середины I тыс. до н.э. (Руденко С.И., 1960, С.176). У китайских ученых нет единого мнения относительно точной локализации юечжи, особенно ранних; многие из них считают, что китайцам была известна лишь восточная ветвь юечжи, а их основная масса обитала в регионах Алтая, Восточного Тянь-Шаня и Восточной Джунгарии (Линь Мэйсунь, 1997, С. 16).

Юечжи (кит. Yuechi) – это современное китайское звучание этнонима. В русском и западноевропейских языках поэтому он читается как “юечжи” (Yuechi, Yuehshih, Uetsi). Однако это не верно, так как в древнекитайской

транскрипции название племен звучит как “Жоучжи” (Roushi). Но мы придерживаемся традиционного произношения этнонима - “Юечжи”.

Большинство известных ученых-лингвистов считают, что юечжи говорили на одном из диалектов тохарского языка. Линь Мэйцунь подчеркивает близость этимологии слов лун (дракон), божество в диалектах древнетохарского языка с этнонимом юечжи по фонетике древнекитайского, означающего также лун. Открытые в последние годы в Синьцзяне мумифицированные останки, по мнению многих специалистов, принадлежат юечжам/тохарам, говорившим на древнетохарском языке (Сюй Вэнькань, 1996).

Вполне возможно, что “юечжи” (или их часть), равно как и “стерегущие золото грифы”, имели непосредственное отношение к созданию наиболее яркого и во многом еще загадочного культурного феномена Алтая – пазырыкской культуре. Не исключено, что это один и тот же этнический массив, названный в античных и китайских литературных традициях по-разному.

Исходя из утверждения о том, что носители так называемой пазырыкской культуры могут быть идентифицированы с геродотовскими грифами, стерегущими золото, мы рассмотрим археологические свидетельства. Однако, оговоримся, что проблема локализации племен, известных по письменным источникам, а также этнокультурная атрибуция синхронных археологических памятников, еще далека от окончательного решения.

В 1997-2001 гг. международная экспедиция Института археологии им. А.Х.Маргулана МОН РК проводила исследования курганов древних и средневековых кочевников на могильнике у с.Берел, расположенного в Катонкарагайском районе Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан.

Могильник Берел расположен на третьей надпойменной террасе в 7 км юго-западнее одноименного села, в живописной высокогорной долине, на абсолютной

высоте 1100 м. Долина реки Бухтарма ограничена горными реками Ак Берел, Буланты (Сохатушка), впадающими в нее. С восточной и западной сторон она замкнута горами, склоны которых покрыты смешанным лесом (береза, осина, лиственница, пихта, ель) и луговыми травами. В долине с курганами сохранились следы растущей когда-то лиственницы и березы.

Некрополь образован четырьмя параллельными цепочками курганов различной величины, вытянутыми в направлении СЗ-ЮВ и группами отдельных погребально-поминальных сооружений. Вполне возможно, что каждая гряда маркирует династийную принадлежность погребенных здесь персон к различным родо-племенным подразделениям, населявшим алтайский субрегион во второй половине I тысячелетия до н.э. В цепочках выделяются курганы-доминанты, безусловно, принадлежавшие представителям высшей кочевой элиты, и средние, а также малые, что красноречиво свидетельствует о глубокой ранжированности общества древних номадов.

За это время на могильнике исследовано четыре погребальных комплекса - №18, 11, 34, 25 и начато изучение кургана №10.

Курган №18 расположен в середине крайней восточной цепочки, его диаметр – 18,3 м, высота – 1,05 м.

Удалось проследить некоторые конструктивные элементы наземного сооружения. Верхний открытый слой насыпи из мелких камней и галечника выполнял, скорее всего, функцию своеобразного панциря, покрывающего нижележащие камни и пустоты, т.е. основного терморегулирующего компонента. Края каменного “панциря” соприкасаются с лепесткообразной внешней крепидой кургана, состоящей из наклонно врытых широких плит и укреплены каменным поясом с заметно выпуклой поверхностью. Этот пояс возведен поверх нижнего края панциря. С точки зрения целесообразности и функционального назначения он, возможно, относился к вспомогательным сооружениям,

удерживающим наземную конструкцию от расползания. Концы “пояса”, в восточной части, уложены с напуском друг на друга и образуют своеобразный “узел”, который в семантическом плане мог выражать идею защиты, замыкания, запираения, ограждения или же он маркировал пограничное состояние миров. В то же время пояс мог обозначать и завершение возведения усыпальницы - нового “жилища”, ушедшей в инобытие и значимой для данного социума персоны.

Погребальная камера размером 3,25х3,90 м, глубиной 3,90 м, вероятно, была перекрыта березовыми и хвойными деревьями, которые провалились под тяжестью камней и глины. На глубине 3,60 м вдоль СЗ стены на каменном приступке были зафиксированы потревоженные останки трех лошадей.

От человеческого скелета сохранились лишь разрозненные фрагменты.

Находки: крупный кувшинообразный глиняный сосуд с геометрическим орнаментом, обрывки листового золота, витой золотой проволоки, костяной наконечник стрелы, обломок железных удил.

Курган №11, самое крупное сооружение, замыкающее с севера центральную, наиболее многочисленную, цепочку некрополя. Наземное сооружение представляет собой вытянуто-овальный в плане форму конструкции, ориентированную по линии ССВ-ЮЮЗ, диаметром 34,8 х 24,4 м, сохранившейся высотой более 2 м.

На глубине 3,50-3,60 м от уровня дневной поверхности, в южной части могилы, был выявлен трехвенцовый сруб и захоронения коней, расположенные за северной его стенкой. Перекрытие сруба состояло из шести полубрусьев, уложенных плотно друг к другу. Они были покрыты двумя слоями берестяных полотниц с внутренней прокладкой из стеблей и веточек кустарника *Dasiphora fruticosa*.

Внутри сруба, вдоль его южной стены, на слегка возвышенной площадке, вымощенной тонкими плитками

алевролита, устанавливалась колода, которая была выдолблена из цельного ствола многовековой лиственницы. На концах крыши колоды установлены бронзовые, покрытые золотом скульптуры фантастических птиц – орлиных грифонов. Не исключена вероятность, что фигуры мифических птиц связаны с культово-магическими представлениями о бессмертии души и божественности погребенной персоны или же с представлениями о стражах-хранителях четырех сторон мифологического микро- или макространства.

На крыше колоды сохранились обрывки покрывала, аппликации из листового золота. В пространстве между срубом и западным концом колоды обнаружены миниатюрные деревянные, покрытые золотой фольгой скульптуры сфинксов – фантастических существ с телом кошачьего хищника и человеческим ликом.

В колоде были погребены мужчина и женщина, головами на восток. Женщина, по предварительному заключению антропологов, была несколько старше мужчины. Мужчина, находившийся у южной стенки колоды, лежал вытянуто на спине, его голова, повернутая вправо, покоилась на деревянной подушке. На голове человека была простая прическа и сложный парик. На мужчине обнаружены остатки одежды и отпечатки меха.

Возраст мужчины, судя по состоянию черепных швов и степени стертости жевательной поверхности зубов, в предварительном порядке определяется антропологом Е.В.Веселовской, в интервале от 30 до 40 лет. Выполнена антропологическая реконструкция облика берельского вождя по черепу, он принадлежал к древним европеоидным формам с монголоидными примесями.

В теменной части черепа мужчины зафиксирован пролом. На ребрах и позвонках зафиксированы многочисленные сросшиеся переломы, полученные в разные периоды жизни. Установлено, что при жизни он носил бороду и усы.

Предварительная судмедэкспертиза характера травмы головы показывает, что мужчине, вероятно, пытались оказать медицинскую помощь после ранения, с целью извлечения из раны осколков костей и сгустков крови, о чем свидетельствуют следы незавершенной трепанации.

Результаты палеогенетического исследования, проведенного Н.А.Айтхожиной и Е.К.Людвиковой, подтверждают антропологические данные: в исследованных образцах присутствуют как монголоидный, так и европеоидный компоненты. Кроме того, выяснено, что мужчина и женщина являлись близкими родственниками: сыном и матерью, в меньшей степени – брат и сестра.

Возвращаясь к характеристике материалов кургана №11 отметим, что внутри сруба, в его северо-восточном углу, зафиксированы фрагменты керамической и деревянной посуды. В заполнении грабительского лаза найдены части рогового сосуда, деревянного столика и фрагмент деревянной лопаты. Отреставрированный керамический сосуд представляет собой асимметричный, плоскодонный кувшин ручной лепки, с высоким горлом, его высота - 51,5 см.

Вдоль северной стенки сруба находилась целая, со следами починки на рабочей части, вторая деревянная лопата.

За северной стенкой сруба, под перекрытием, состоящим из берестяных полотнищ и веток курильского чая, было захоронено 13 лошадей. Животные были уложены в два яруса: в нижнем расположено 7 коней, в верхнем – 6; на брюхе и на боку, с подогнутыми ногами, головами на ССВ. Ярусы с лошадьми были отделены друг от друга двумя чередующимися слоями бересты и курильского чая. В черепе одного животного сохранилось отверстие от удара чекана; плохая сохранность не позволила пока обнаружить следы удара на головах других лошадей. Лошади были взнузданы и оседланы, головы некоторых из них – украшены масками. Упряжь представлена железными кольчатыми удилами и деревянными деталями конского снаряжения, оформленными в традициях скифского звериного стиля. Конское убранство

выполнено из дерева с использованием различных приемов, сочетающих технику барельефа и скульптуры. Все эти изделия: бляхи, псалии, подвески, разделители ремней и другие украшались резными узорами и покрывались золотой фольгой, иногда и оловом. Среди образов животных, помещенных на предметах убранства коней, присутствуют кошачьи хищники, горные козлы и бараны, лоси, хищные птицы и грифоны; растительные мотивы. Излюбленными приемами построения композиций у древних берельцев были принципы зеркальной симметрии и геральдической развертки. Выполненные подобным образом сюжеты, часто встречаются на разделителях ремней, окончания которых оформлены в виде противопоставленных изображений животных; на подвесках, украшавших ремни.

У одной из лошадей, выделяющейся из всех золотисто-рыжей мастью, седло было украшено аппликацией, изображающей сцену терзания копытного животного грифоном, и многочисленными деревянными рифлеными подвесками, в виде коробочки семян растений. Останки других лошадей, с сохранившейся рыжей шерстью, также позволяют определить масть коней. Кроме того, сохранились мягкие ткани животных и содержимое желудков.

Уникальные условия сохранения берельских лошадей, позволили провести палинологический анализ содержимого их пищеварительного тракта и установить сезон захоронения. Предварительный обзор сюжетов и образов, присутствующих на предметах из кургана №11, показывает, что они в целом обычны для алтайского варианта скифского звериного стиля: грифоны, муфлоны, лоси и др. Особый интерес представляют сцены терзания кошачьими хищниками копытных животных на двух деревянных плакетках прямоугольной формы, где композиция удачно скомбинирована при помощи S-видных линий, легко читаемых в изображениях тел животных. На фигуре оленя акцент на S-видности усилен изображениями полуподковок и точек.

Не случайно изображения животных запечатлевались на аксессуарах конского убранства. В силу мифологизированного сознания, существования сложной мифо-ритуальной практики они обладали определенными коммуникативными функциями, каждый образ нес особый смысл. Убранство коня представляет собой определенный изобразительный текст, знаковый ряд со сложной семантической нагрузкой.

Захоронение большого количества верховых коней, в парадном убранстве, безусловно, подчеркивает высокий социальный статус погребенных. Бальзамирование умерших и сооружение для них срубов и специальных колод, выдолбленных из вековых лиственниц, прослеживаемое в Берели, было широко распространено в погребальной практике древних кочевников алтайского субрегиона. Ясно что, мумификация тел избранных персон диктовалась стремлением сохранить их в нетленном состоянии на длительный период времени, возможно, для продолжения жизни в инобытие; в то же время не исключается вероятность и прагматического аспекта этого феномена, вызванного традицией погребения особо значимых персон в строго определенное время года, регламентированного существовавшей в среде данного социума религиозно-мировоззренческой системой ценностей.

Сооружение в рассматриваемое историческое время грандиозных курганов в определенно установленных местах, означает, что данная территория являлась священной. Пазырыкская культура при всей кажущейся однородности, безусловно, полиэтничное образование, состоявшее из множества различавшиеся по этнографическому облику культуры групп населения, обитавших на территории всей Алтайской горной страны. Наличие на могильнике Берел нескольких крупных курганов-доминантов, цепочек и другие признаки позволяют предположить, что здесь существовал один из этнополитических и культурных центров древних номадов, который создал локальный вариант так называемой

пазырыкской культуры, который может быть условно назван берельским.

Список использованной литературы:

Сунь Пэйлян. Цыцитай маои чжилу хэ гудай чжун я дэ чуаншо // Чжунвай гуан сиши лунцун. Пекин, 1985. - Т.1.

Ван Чжилай. Чжун я шиган. Чанша, 1986.

Ма Юн, Ван Бинхуа. Гунюаньцян ци чжи эр шицзи дэ чжунго синцзян ди цзюй // Чжун я сюекан. - 1990, - Т. 3.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960. С.176.